

ВСТРЕЧА С ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ КАК СОБЫТИЕ

К 100-летию со дня рождения
Д. К. Мотольской
(1907–2005)

В жизни любого человека всегда наступает время подведения итогов. Наверное, оно наступило и для меня. Это время, когда стараешься честно оценить пройденное, вспомнить о тех, кто оказался на твоём пути и стал событием в твоей жизни.

Память переносит в далёкие годы юности. Еду из своего пригорода на экзамен для медалистов. А нам объявляют, что мы уже зачислены, и приглашают в кабинет ректора. Экзамен сдавать не придется. Наверное, от скоротечности происходящего, я не сразу и поняла, что это бесценный подарок судьбы. Можно было задохнуться от радости: позади трепет перед экзаменами, страх не подтвердить свои пятёрки и не поступить. Но теперь всё это позади. Я студентка!

И вот первые студенческие дни. Первые лекции. Начались практические занятия, и пришёл страх. Было все непривычно и пугающе тревожно. Раскованные (даже для того времени!) городские девочки, легко вступающие в контакт. Разговоры об экзаменах и страшных экзаменаторах, о проходном балле, об удаче, о каверзных вопросах, о преодолении трудностей и пр. Всё чаще возникала мысль, что я с этим бы не справилась, не ответила бы я на такие вопросы, поэтому, в общем-то, занимаю чужое место...

Перед началом лекции в аудитории шумно: знакомятся, громко разговаривают, шутят. Наивная, я думала, что в аудитории надо занимать определённое место, как в классе. Со страхом смотрела на тех, кто опаздывает, с недоумением и даже завистью — на тех, кто задает вопросы преподавателям, беседует с ними во время перерыва. Как сейчас помню страх перед своей новой ролью и возможным несоответствием ей. Пугало всё. Было страшно не успеть законспектировать какую-либо работу, а их сразу стали задавать по введению в языкознание и введению в литературоведение; страшно не ответить на вопрос преподавателя на практических занятиях, опоздать на физкультуру, которая была с восьми утра.

Ошеломляло многое. Блистательные лекции Юрия Павловича Суздальского и огромное количество имён богов, героев, персонажей античных трагедий, которые так легко им произносились, а нас поражали своей новизной, необычностью. Торжественное чтение преподавателем гомеровских гекзаметров. Пугало, как это всё запомнить. Казалось, введение в языкознание – невероятная премудрость, а овладеть транскрипцией – это все равно, что освоить китайскую грамоту. Я боялась отвечать, боялась спрашивать, боялась показаться смешной и глупой. А ещё были занятия старославянским, на которых строгая Валентина Лазаревна Георгиева читала необычные тексты, потом читали мы и разбирали их, определяя формы слов, падежи, аорист и пр. А ещё были основы марксизма-ленинизма, советская литература с множеством ранее не известных нам произведений и многое другое...

Я хорошо помню своих первых преподавателей. Они воспринимались как небожители. Сами слова «профессор», «доцент» тогда казались какими-то невероятными, свидетельствующими о недостижимом пределе развития человека, о какой-то совсем другой жизни.

Каждый преподаватель оставил свою память в моей жизни и профессиональном становлении. Я помню их внешний облик, манеру чтения, отношение к аудитории, умную снисходительность некоторых из них к нашей необразованности, не злую иронию к нашему незнанию и заинтересованное отношение даже к слабым попыткам сказать нечто самостоятельное, не зубренное с листа. Например, хорошо помню радостную улыбку Алексея Львовича Григорьева, довольного тем, что ты знаешь содержание произведения, правильно произносишь французские имена.

Образовательная среда факультета русского языка и литературы воспринимается мною сегодняшней не как некая отвлечённость, сложенная из более частных отвлечённостей, а как живые голоса преподавателей, с неповторяющимися интонациями, жестами, манерами, целостным обликом. Было бы неправдой сказать, что я помню тексты их лекций и занятий. Нет. Помню лишь отдельные лекции, отдельные эпизоды, отдельные темы и ситуации. Но в памяти осталось то, что можно назвать «личностным знанием» (М. Полани), которое связано с познанием и переживанием одновременно, с неформальной передачей знаний. Помню ту личностную вовлечённость в познавательный процесс, которая была свойственна нашим лучшим преподавателям. Сейчас я отчётливо понимаю, что эти лучшие наши наставники воспитывали в первую очередь наши ценностные ориентиры в познании, образовании, культуре, истории. С той поры осталось убеждение, что выучить текст лекции, добросовестно записанный, – не свидетельство твоих знаний, учёности. Осталось убеждение, что стыдно не знать первоисточников, фундаментальных работ, художественных текстов. Именно это важно передать своим ученикам: увлечённость, страстность, личностное отношение, стремление познавать, углубляться в интересующую область знаний.

Именно таким преподавателем, несомненно, для многих поколений студентов факультета русского языка и литературы стала **Дина Клементьевна Мотольская**.

Я хорошо помню Дину Клементьевну. Она читала нам, первокурсникам, «Введение в литературоведение». Она выходила на подиум в знаменитой и любимой нами 237 аудитории первого корпуса и начинала читать лекцию. По-моему, она не вставала за кафедру, поскольку была совсем небольшого роста. Чем она поразила меня? Почему встреча с ней стала духовным событием на жизненном пути? Позднее, когда я сама стала преподавателем вуза, профессором, у С. И. Гессена я нашла замечательную мысль о том, что образование человека есть «путешествие в стране духа, в мире чело-

веческой культуры, в течение которого деятельность человека приобретает все более характер творческого призвания»¹. В этом странствии человеческого духа событием может стать «мимолетный разговор, случайная встреча, прослушанный концерт или лекция, театральное представление»².

В моем образовании-странствии таким событием стала встреча с Д. К. Думаю, и для многих других, кого она учила. Что в ней показалось необычным? отличающим от других? не совпадающим с духом той суровой эпохи? Сейчас, когда я стала старше Д. К. того времени, я думаю, что к ней притягивало многое.

Естественность поведения, не совсем обычная для того времени. Все-таки многие были «застегнуты на все пуговицы». Она была единственной в этом роде. Обезоруживающе открытая улыбка. Доверие во взгляде – без напряжения, усилия, без «маски». Открытость поведения – в проявлении чувств, в обращении к аудитории, в призыве задавать вопросы, в стремлении быть в потоке «всеохватывающей взаимности»³ с нами, что всегда требует особой психологической и педагогической культуры преподавателя, понимания им другого человека.

Широкий культурный контекст образовательного процесса, что, думаю, по-настоящему не было оценено нами тогда. Ее духовный опыт и образованность были много выше того, с которым сталкивалось большинство из нас в школе. Д. К., безусловно, хорошо знала процесс становления и развития русской литературы, распадавшийся для нас на программные произведения в школьном изучении. Она стремилась нам показать эту целостность и непрерывность развития русской литературы, чего мы просто еще не могли по-настоящему оценить тогда и оценили много позже. Д. К. знала историю литературы «по вертикали» и «по горизонтали», что позволяло ей широко использовать приемы аналогии, сравнения, аллюзии. Для нас, школьников середины XX в., эпохи тоталитаризма и унификации, это было одновременно и проявлением образованности, и свободы духа, заключающейся не в смелых высказываниях и критике времени, а в свободе размышления, в свободном использовании знаний и их включении в разные системы координат. Она хорошо знала тексты рассматриваемых произведений, свободно использовала их в своих лекциях, интерпретировала, сравнивала, оценивала.

Широкое пространство мысли и свобода языка. Думаю, многих это поразило – особенно тех, кому гуманитарные предметы в школе преподавали догматически, без рассуждений и размышлений, как абсолютные безусловные истины. Д. К. думала вслух, свободно облекая мысли, рассуждения в языковую оболочку. Это для меня, к примеру, было необычно. В школе мы разбирали «образы» программных произведений по огромным сложным планам, которые лишь мешали эти образы «собрать», целостно увидеть и понять.

Гармония мысли и речи, их широта и свобода свойственны не каждому. Д. К. это было свойственно. Мне не всё было понятно в её лекциях, в силу того, что их лексика и семантика не была школярской, адаптированной к нашему уровню. Но это и было важно. «Ведь только непонятность чего-то даёт шанс родиться пониманию. (...) Понимание есть ответ на непонимание...»⁴

Побуждение слушателей к чтению и самообразованию. Д. К. была в курсе событий книжного мира, журнальной периодики, театрально-культурной жизни города и советовала это прочитать, увидеть, услышать, посетить. В то жесткое время она учила нас становиться гуманитарно-образованными людьми, развивала и возвышала наши духовные потребности. Это позднее гуманитарное сознание стало рассматриваться как творческое, диалогическое.

А тогда ... нет. Но Д. К. это с успехом делала. По себе знаю: я стала много и разборчиво читать, интересоваться литературой и литературоведением, запоминать текст не для сдачи экзамена только, а потому что он становился интересным, важным для тебя. Многие имена поэтов, писателей я впервые услышала на лекциях Д. К.

Открытость для общения. Д. К. всем своим видом приглашала к диалогу, к вопросам, к обсуждению. К ней сразу в перерыве стали подходить, и она заинтересованно разговаривала, кивая, улыбаясь, не изображая внимание, а воплощая его естественно, непринуждённо. У неё для нас было время!

Событием для меня стали ее практические занятия. Я их тоже боялась. Я опускала голову, чтобы наши глаза не встретились, чтобы не возникла ситуация прямого ко мне обращения и призыва высказаться. Я считала, что не скажу ничего заслуживающего внимания, покажусь глупой и смешной. Это настроение усиливалось на фоне свободно рассуждающих однокурсниц.

Но вот наступил этот час... Мы обсуждали композицию «Героя нашего времени», художественную обусловленность нарушения линейного повествования в романе. Раздался голос Д. К.: «А как Вы думаете?» Соседка толкнула меня. Я подняла глаза. Вопрос был обращен ко мне. Я стала сбивчиво, как мне казалось, говорить. Мне казалось: все, что я говорю, это плохо, жалко, наивно, что сейчас я услышу уничтожающую критику однокурсниц и преподавателя. Но я увидела перед собой такой поддерживающий взгляд Д. К., солидарные движения ее головы, доброжелательную мимику, всю ее позу, казалось, устремленную навстречу, и мне стало легко и просто. Д. К. похвалила меня, может, излишне даже, найдя какие-то достоинства в ответе, увидев в нем нечто заслуживающее внимания. Наверное, это и была первая встреча «в стране духа», «духовного сообщения». Это стало началом веры в себя, в свои возможности на этапе вузовского образования, который (пусть это и покажется странным) для некоторых первокурсников полон драматизма, сомнений, разочарований. Эта встреча стала «точкой» духовного роста, обретения самостоятельности — и начала свободы.

Я не хотела бы «осовременивать» образ Д. К., наделять его тем, что ей не было свойственно. Дело в том, что на нее тогдашнюю я смотрю из другой эпохи, став старше своего учителя на целых двадцать лет. Оценивая уже свой жизненный путь, должна сказать, что ее влияние во многом сказалось на литературных интересах и предпочтениях, на выборе института соискательства при кафедре русской литературы, на характере подготовки к кандидатским экзаменам, на научном интересе, на выборе явленного образца поведения учителя в собственной преподавательской деятельности. С ходом времени мои научные планы изменились — я не мыслила себя без школы. Я оставила научные «опыты» в литературоведении и ушла в педагогику. И Д. К. не упрекнула меня ни единым словом, а поддержала меня снова.

Д. К. являла собой удивительный образ университетского преподавателя (хотя мы учились в институте), к которому можно было прийти домой, взять книгу или журнал, поспорить о новых произведениях литературы, новых спектаклях и фильмах, посоветоваться по поводу возникших жизненных коллизий, в профессиональной деятельности. Поражало редкое умение Д. К. помнить своих студентов, помнить их ответы, успехи, восхищаться ими и сохранять это на протяжении многих-многих лет.

Шли годы. Возникшая еще на первом курсе духовная нить иногда ослабевала, истончалась — ведь мы работали в школах, сами становились для кого-то учителями. У нас были свои победы и поражения. Жизнь текла

своим чередом. Мы сами становились кандидатами наук, получали учёные звания.

...В конце года, перед новогодним праздником, ты вдруг спохватывался (к сожалению, не всегда) и вспоминал, что есть человек, который, безусловно, помнит тебя, тебя — из твоей юности, помнит, как ты отвечал на экзамене про пятую статью Белинского о Пушкине. Ты набирал телефонный номер, чтобы сказать слова поздравления с днем рождения (он был 31 декабря) и новым годом. А тебя, действительно, помнили, тебе щедро говорили в ответ искренние и добрые слова. И, собиравшийся одарить Д. К. своим вниманием и памятью, ты сам был щедро одарен теплом, добром и памятью о твоей юности, о твоих первых успехах в вузе.

Такой была Дина Клементьевна Мотольская, человек, давший толчок духовному развитию многим студентам факультета русского языка и литературы, которые, наверное, как и я, могли бы сказать о встрече с нею как о событии жизни.

Примечания

1. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 216.
2. Гессен С. И. Указ. соч. С. 217.
3. Бубер М. Два образа веры / Пер. с нем. М., 1995. С. 24.
4. Мамардашвили М. К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. М., 1996. С. 61.